

Марита Мовина-Майорова
Саша Генераллов

**ПОГОВОРИМ?
О ТОМ... О СЁМ... -1**

Марита Мовина-Майорова

Поговорим? О том... о сём... – 1

«Издательские решения»

Мовина-Майорова М.

Поговорим? О том... о сём... — 1 / М. Мовина-Майорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962232-7

Лирико-юмористический сборник рассказов от создателей «О, эта проза Жизни!» и «Армейские небылицы — 1». Это новый взгляд на человеческие взаимоотношения и забавные истории из армейской жизни. «О, эта проза Жизни!» была представлена на Московской международной книжной выставке — 2018 и на Международной выставке non-fiction №20. «Армейские небылицы — 1» сразу завоевали симпатии широкого круга читателей лёгким, ненавязчивым юмором авторов и самоиронией героев на фоне зарисовок из жизни армии 80-х и 90-х.

ISBN 978-5-44-962232-7

© Мовина-Майорова М.

© Издательские решения

Содержание

Секретная операция	6
Возьми лопату! – или – Вот были Мужики!	11
Часть первая	12
Часть вторая	16
Крутой поворот	24
«Буду худеть!»	28
Очищение от скверны	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Поговорим? О том... о сём... – 1

Марита Мовина-Майорова

Саша Генераллов

*...сидел он – бравый офицер – в раздумье глядя перед собою,
в воспоминанья – как в прицел – направив взор... и чередой
перед ним вставали
– картины дней былых...*

АРМИЯ 80-х

Редактор Б. Майоров

Корректор Б. Майоров

Иллюстратор М. Мовина-Майорова

На обложке "Allegory of the State of France before the Return from Egypt" by Jean-Pierre Franque, 1810 г., Лувр

© Марита Мовина-Майорова, 2022

© Саша Генераллов, 2022

© М. Мовина-Майорова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4496-2232-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Секретная операция

Лейтенант Строгий сидел рядышком со своей юной супругой на армейской железной койке. Та скрипела при каждом их вздохе и опасно начинала двигаться на расшатанных металлических ножках при каждом неловком их движении.

Обстановку довольно просторной комнаты, кроме бывалой кровати, вынесшей к этому времени на своих пружинах вес множества солдатских тел, составляли покосившийся деревянный шкаф со скрипучими дверцами, перекочевавший сюда по воле офицерских судеб из далёких советских пятидесятых, пара таких же доисторических, колченогих стульев, квадратный обеденный стол с затёртой до блеска предыдущими жильцами столешницей, и главная достопримечательность комнаты – плита, топившаяся дровами, тоже родом из пятидесятых, а может, и сороковых – кирпичная, крытая тяжёлой чугунной пластиной с двумя чугунными же выюшками, для усиления или уменьшения её жара – она служила и прекрасной плитой для готовки еды и, одновременно – печкой – обогревателем в зимнее время.

Недавние жених и невеста, а сейчас – полноценные супруги, лейтенант Строгий и его жена Сашенька, – сидели на кровати, как было сказано выше, рядышком, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу.

– Сашок, а ведь, пожалуй, операция может быть опасной, – задумчиво произнёс лейтенант Строгий.

Юная Сашенька вздрогнула и подняла испуганный взгляд на супруга.

– Нет-нет, ты не бойся, – сразу поспешил успокоить жену лейтенант, но улыбнувшись всё же, не без снисходительности к такой женской её чувствительности, он, впрочем, ещё крепче ласково прижал её к себе. – Ты же знаешь меня – я выносливый, и силёнок у меня на двоих.

Последнюю фразу Строгий выговорил твёрдо, отбросив задумчивость, и Сашенька почувствовала, как под рубашкой напряглись мышцы рук и спины мужа.

– Конечно, знаю, – вздохнула она. – Но всё равно... побаиваюсь. Сборы-то какие суровые. Вон и чемодан ты велел собрать. Даже сухой паёк велел на три дня положить и щётку свою любимую зубную. Это же не просто так?

Она снова испуганно взмахнула ресницами на Строгого.

– Это я так – на всякий случай, по собственной инициативе. У хорошего офицера всегда под рукой всё необходимое для жизни должно быть.

При этом он тоже поглядел на чемодан, лежавший на стуле, и на его лице промелькнула тень горделивой улыбки.

– Видишь ли, Сашок, кого попало на такую операцию не пошлют. Командир лично вызвал меня к себе и сказал, что тут выдержка нужна сильная и терпение требуется при её выполнении. А главное – тщательность подготовки к ней и самое точное её исполнение. А даётся на всё про всё – полдня! Потому и офицер здесь требуется неординарный: чтобы и сам качествами нужными обладал, и бойцов сумел настроить именно на такое отношение к поставленной задаче, и потребовать с них строго мог.

На лице лейтенанта Строгого вновь мелькнула горделивая улыбка.

– Ну, ты-то можешь. Ты – строгий, – согласно кивнула Сашенька, немного успокаиваясь. Она помолчала, всем телом ощущая приятную надёжность супруга, и робко поглядела на его волевой подбородок.

– Только зачем всё же тебе тревожный чемодан? Если на полдня? Зачем тогда я его собирала?

– Глупая! – опять же – с ласковым превосходством – отозвался Строгий. – Тревожный чемодан у офицера всегда готов должен быть.

Он всё так же снисходительно потрепал супругу по тугой щёчке.

– Как советские пионеры. «Всегда готов!» Помнишь?

Лейтенант Строгий мечтательно улыбнулся, видимо, вспомнив не очень далёкое своё советское детство.

Сашенька на мгновение задумалась, вдыхая родной запах рубашки супруга.

– А пионеры тут причём?

– Да я просто так, для усиления смысла сказал.

Строгий легко приложился губами к щёчке жены.

– Видишь ли, зайчонок, командир ничего конкретного про операцию не сказал. Думаю – секретная это информация. Завтра на построении с утра наверняка скажет... Если по тревоге нынче ночью мой взвод не поднимет, – добавил он многозначительно.

– Так серьёзно всё? – затрепетала всем телом Сашенька и крепко обвила шею супруга нежными, но сейчас вдруг обрётшими силу руками, словно виноградная лоза свою опору, чтобы не упасть и не увянуть раньше времени.

Лейтенант Строгий почувствовал восторг. Так любит! Так переживает! Какую же прекрасную девушку он полюбил в своё время! А какая жена! Всем на зависть! И боязливая – тоже неплохо, слушаться во всём его будет всегда.

Каждый раз лейтенант Строгий испытывал восторг, когда его Сашенька вот так вот боязливо трепетала, а он, мужественный и сильный, мог её успокоить и утешить. Однако сейчас он понял, что слишком уж напугал жену. Ещё, чего доброго, к командиру части побежит просить, чтобы его на такую ответственную операцию не посылали. Бывали такие случаи – сам слышал, старшие офицеры рассказывали.

А Сашенька продолжала трепетать и всё сильнее обвивала его шею руками, теснее прижимаясь к его крепкому плечу.

Лейтенант Строгий решил ободрить жену по-своему – строго.

– А ну! – прекратить панику! Я – военный. Офицер. Приказ должен выполнять. Ты же знала, за кого замуж шла.

Сашенька мгновенно перестала трепетать, но объятия свои не ослабила. Она лишь сменила позу, положив подбородок на плечо мужа, и жарко задышала ему в ухо:

– Поклянись, что в пекло не полезешь! Поклянись, что осторожным будешь! Поклянись, что обо мне ни на минуту не забудешь!

Ох, и приятно было это слышать лейтенанту Строгому!

– Клянусь, зайчонок, клянусь. А теперь – пошли на боковую, как отец мой любил говорить – давай спать ложиться. Поздно уже. Может, и правда тревогу ночью объявят.

Спустя десять минут в окне комнаты лейтенанта Строгого свет погас...

Ему не спалось. Самые разные чувства бередили душу молодого лейтенанта.

Сашенька посапывала тихонько у него на груди, а мысли возвращали его на месяц назад, когда он только что выпустился из командного училища, сообщил молодой жене о своём месте службы – отдалённом гарнизоне за Уралом, куда он сам и напросился для большей возможности проявить себя с самого начала – и о том, что положенный отпуск отгуливать не намерен.

Его милая Сашенька не возражала. Она никогда ему не возражала. То ли по причине характера, то ли в силу своего юного возраста – ей за неделю до их свадьбы исполнилось восемнадцать.

Не гулять отпуск Строгий решил по одной простой причине: чем раньше других молодых лейтенантов на место службы прибудешь, тем более козырную должность светит получить. Об этом знали все выпускавшиеся. А кроме всего прочего, это давало возможность проявить себя перед командиром части в качестве прилежного офицера, который на службу

рвётся, а не в гулянки какие-то пускается после выпуска. Так почему бы ему не воспользоваться этим? Кто знает, может именно ему – отличнику, смелому и решительному характером, как раз и повезёт?

Сейчас он лежал в тиши – хоть и казённой, зато своей личной просторной комнаты с целой настоящей печкой, – на хоть и казарменной железной койке, зато рядом со своей любимой Сашенькой, – и завтра ему доверят секретную спецоперацию, и он выполнит её на «ура».

О чём же ещё можно мечтать молодому лейтенанту, только-только начинающему свой боевой жизненный путь?

Строгий удовлетворённо вздохнул и погладил тёплую руку Сашеньки, покоящуюся у него на груди, ощутив при этом шелковистость её кожи с одновременным приливом нежности к жене.

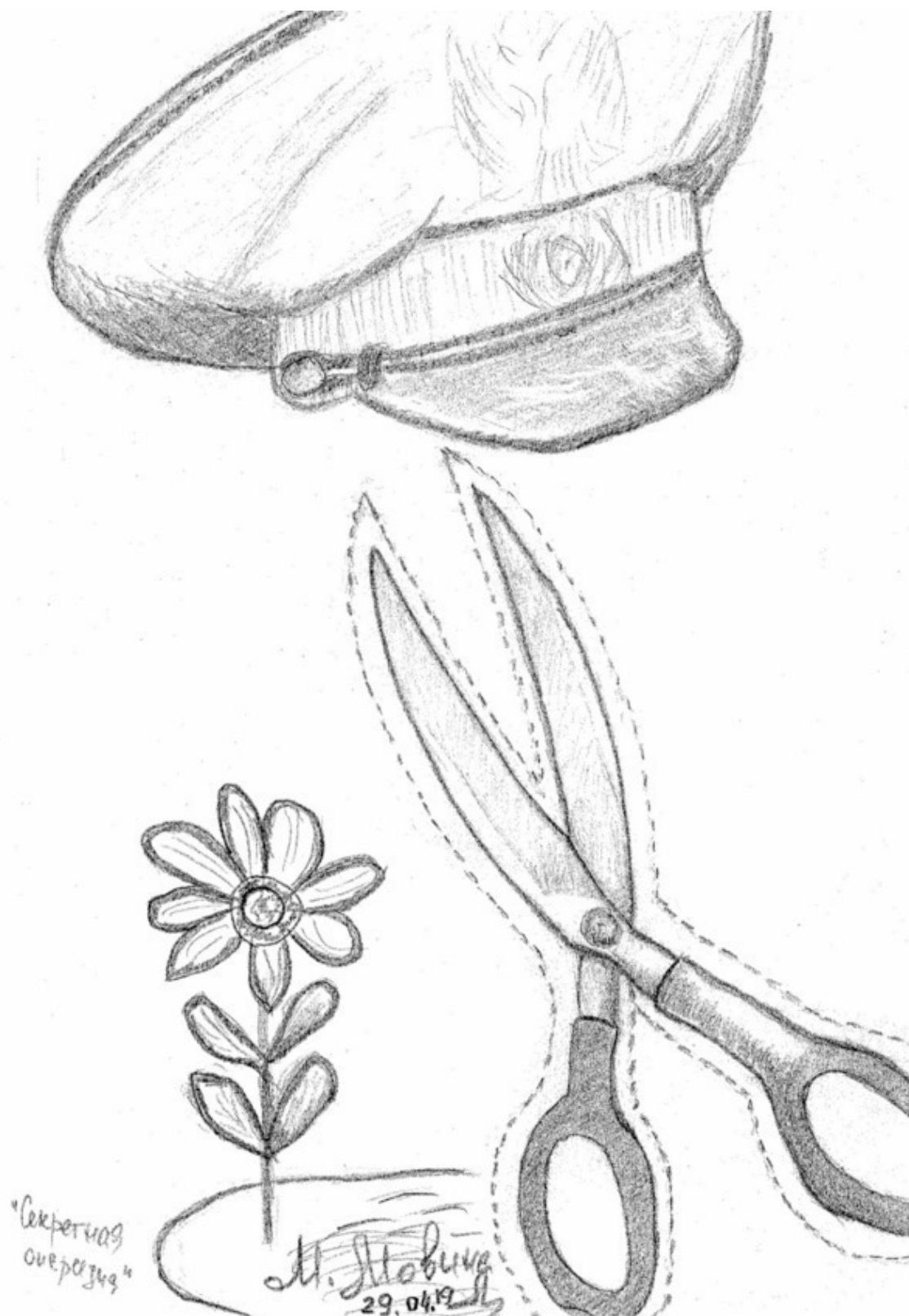
«Спать! Не будет, видно, тревоги. Значит, с утра всё ясно станет. Не дрейфь, лейтенант Строгий!»

Он мгновенно погрузился в здоровый крепкий сон...

Юная Сашенька не слышала, как утром муж потихоньку собрался и ушёл на службу, прихватив тревожный чемодан, так любовно собранный ею накануне.

...Возле гарнизонного склада, куда вот-вот должны были подвезти продуктовые пайки, собралась и жужжала как встревоженный улей – по-другому и не скажешь – разноголосая толпа жён комсостава.

Сашенька застенчиво встала в сторонке, прижимая к груди старенькую авоську.

– Александра, а твой-то лейтенант со своим взводом тоже в спецоперации участвует? Это была соседка по этажу, – единственная, с кем Сашенька успела пока познакомиться по приезду в гарнизон, – жена прапорщика Маркизова – всегда весёлая краснощёкая казачка Тоня.

Жены комсостава у склада почему-то сначала замолчали, а потом разом заулыбались.

– Тоже... участвует, – только и нашлась, что ответить Сашенька, и густо покраснела.

– Поня-я-тно. То-то я гляжу – с тревожным чемоданом с утра на службу шёл! А ножницы-то с собой прихватил?

Теперь от склада раздался смех.

Сашенька совсем растерялась и крепче прижала к себе авоську.

– У нас у всех мужья по молодости на эту удочку попадались, – тоже засмеялась Антонина и сквозь смех закончила:

– Операция эта секретная, знаешь, как называется? «Одуванчик»! Ножницы в руки – и газоны стричь!

\$\$\$

Возьми лопату! – или – Вот были Мужики!

Часть первая

«ВОЗЬМИ ЛОПАТУ!»

«Вот оно – простое счастье! Пей себе водичку с отрубями с утра – и будет тебе благодать!»

Я почувствовала, как тёплая приятная влага наполнила рот, нежно прикоснулась к верхнему нёбу и языку, затем, при помощи глотательного движения, блаженно проплыла по гортани и заструилась по пищеводу... и... затихла где-то... В это время моё внимание привлекло какое-то движение за окном.

Со второго этажа мне хорошо была видна проезжая часть. На этой стороне, то есть ближе к моему окну, длинный и очень худой, с телом в виде буквы «зю» молодой человек лет тридцати, лениво суетился около темной «Ауди».

Парень то отходил от машины на пару шагов и пристально смотрел на своё «сокровище», то подходил к нему вплотную и нежно касался лобового стекла; потом снова отходил на шаг и вновь приближался, всматриваясь в переднюю дверцу и трогая её рукой. Он не выглядел нервным, скорее – в меру заинтересованным, и чувствовалось, что он покуда никуда не торопится.

Рядом с ним, на невысоком, буро-грязном искусственном пригорке, созданном грейдером, до этого утюжившими проезжую часть несколько дней подряд, стояла щуплая девушка в голубой короткой, до талии, курточке и чёрных трико в обтяжку. На ногах у неё шевелили мехом невысокие модные ботинки. Руки она глубоко засунула в карманы, а голову втянула в плечи.

Ей явно было неуютно на этом пригорке, но она стояла неподвижно и совершенно безучастно взидала на телодвижения своего приятеля возле машины.

«Да-а-да! – протянула про себя я. – В наше время в этом возрасте у них уже было бы двое детишек и они прекрасно обходились бы без машины. А у этих – машина уже есть, а до детей и семьи – как от Питера до Владивостока. Стоит эта „Щуплая“ и даже на проблемы партнёра по сексу безучастно зрит – какая из неё мать!»

Я намеревалась уже было отойти от окна, к тому же и стакан с водой был выпит, но тут парень покинул «Ауди» и приблизился к стоявшей тут же рядом другой машине – маленькому грузовичку, открыл дверцу его кабины, покопался там и вернулся к легковой машине с тряпкой и бутылкой-пульверизатором в руках.

«Ага! Замок замёрз. Будет сейчас брызгать на него», – констатировала я и снова хотела отойти от окна, но почему-то мне стало любопытно. Что-то во всём облике этого парня с фигурой буквой «зю» и в этой Щуплой было такое, что заставило меня остаться у окна и продолжить наблюдение. И интуиция не обманула – на протяжении следующих сорока минут на моих глазах развернулось целое представление.

Сначала парень неторопливо брызгал на дверцу, на стёкла, на капот и крышу машины и так же неторопливо, с ленцой, тёр всё это тряпицей, а девушка всё так же, в виде изваяния, стояла на буераке и ни разу не пошевелилась.

«Дурак совсем! И зачем льёт и трёт? Скребок и щётка для этого есть, – недоумевала я, наблюдая за его неспешной суетой. – И где только его учили?»

...Прошло пятнадцать минут... (я специально засекла время).

Парень по-прежнему «ублажал» машину при помощи размораживающей жидкости. За этот временной период он не только справился-таки с замком, но и отёр от наледи стёкла, капот и верх машины.

«Настырный», – одобрила я его и не отошла от окна.

Наконец, а время всё неумолимо тикало, он удовлетворённый, но тоже как-то без особых эмоций, влез в машину, и из выхлопной трубы повалил белёсый пар.

«Справился-таки! А в наше время мужики без всяких таких наворотов жидкостных и в минус двадцать пять машины заводили! – с гордостью за своих мужиков и со снисходительностью к этому „Зю“ качнула головой я. – А Щуплая-то всё ещё не поменяла своего местоположения! Гляди-ка, она и позы изваяния не поменяла! Застудилась совсем, что ли?»

Я перевела взгляд на машину. Из её выхлопной трубы валил белёсый пар, а она юзала взад-вперёд по проезжей части, но с места не двигалась.

По тому, как машина двигалась, было понятно, что изрядно застопорено заднее правое колесо.

«Подкопать придётся. Иначе не вырулит», – снова констатировала я.

В этот момент рядом со Щуплой возникла здоровенная тётка в шубе до пят и с большим капюшоном. За руку она держала девочку лет семи-восьми.

Щуплая никак не отреагировала на появление новеньких.

С видимым трудом, стараясь как можно выше поднимать ноги, «Шуба» принялась перелезать через буерак на проезжую часть к машине, а девочку оставила стоять на буераке.

Парень, завидев Шубу, вылез из машины, а та, перевалив через препятствие, протопала к парню, что-то сказала ему, фамиллярно толкнула в бок и тут же закурила. После этого они вместе принялись оглядывать машину и кивать головами видимо соглашаясь друг с другом.

«Ещё одна „курилка“! – с отвращением подумала я, прямо всем своим существом ощущая на расстоянии удушливый смрад никотина. – Ещё и при ребёнке смолит!»

Тем временем посоветовавшись с Шубой, парень, наконец, посмотрел на Щуплую, и что-то ей сказал. Та неуклюже и очень неохотно сползла с пригорка и встала рядом с Шубой. Они обе уставились на парня. Тот развернулся, залез в машину, взялся за руль и...

Машина немного покачалась взад-вперёд, выбрасывая из-под себя обильные клубы всё того же белого дыма, и осталась стоять там, где и стояла. Затем снова обильно задымила трубой и покачалась взад-вперёд... Снова задымила...

Парень вылез на проезжую часть.

Теперь они уже втроём сгруппировались перед «Ауди» и задумчиво, молча, принялись разглядывать её.

«И чего разглядывать? Лопату возьми и подкопай под задним правым!» – мысленно послала я инструкцию молодому водиле.

Но судя по позам тех троих, ни о какой лопате мыслей у них не возникло.

И я оказалась права!

Парень обошёл машину сбоку и двинулся к багажнику.

Подойдя, он положил на него мятую коричневую тряпицу, ту самую, которой до этого тёр машину, нежно разгладил её руками и жестом позвал женскую часть. Даже девочка захотела прыгнуть с буерака к машине, но Шуба строго махнула рукой, и ребёнок остался стоять на месте.

С удивлением я увидела, как Шуба, с трудом перегнувшись пополам, полезла под задние колёса машины и скрылась из виду.

«Господи спаси! А эта-то куда полезла? Никак на себе поднимать машину собралась?!»

Я в ужасе затаила дыхание.

Но тут голова Шубы, размером с медвежью – из-за сползшего на глаза капюшона, показалась над багажником. Вслед за головой появилась и сама Шуба. Она, пятясь, выползла из-под колёс, разогнулась и принялась натягивать на руки серые и, явно не первой свежести, перчатки, извлечённые, по всей видимости, из-под «Ауди».

«Выходит, за перчатками лазала! А я-то что подумала!» – я облегчённо выдохнула, одновременно заметив, как обе-две женские половины встали в стойку у багажника и как по команде, решительно, положили свои рученьки на эту самую грязную тряпицу.

«Надо же! Толкать будут!» – поразила я и иронично заключила: посмотрим, посмотрим, что из этого выйдет, без лопаты-то.

За это время парень успел открыть дверцу и снова сесть за руль.

Дальше, в течение десяти минут, он дёргал машину изнутри, нажимая на газ, а обе-две женские половины что было сил толкали её в попу, положив руки на эту самую грязную тряпицу и вдыхая клубы белёсого дыма из выхлопной трубы. Шуба-то – та хоть в перчатках была! А Щуплая – голыми руками совершала подвиг!

Затаив дыхание, совсем забыв о делах насущных, я наблюдала за происходящим, не в силах оторваться от бесплатного спектакля!

Тут стало заметно, что женские половины уже здорово подустали. Движения их тел становились всё менее решительными и напористыми. Наконец, Шуба отошла от машины, сняла перчатки, а Щуплая вытерла руки о грязный снег пригорка и потом – о свою голубую курточку! Парень вылез из машины.

«Придурок, лопату возьми и правое заднее подкопай!» – снова мысленно обратилась я к водиле.

Однако он не хотел меня слышать.

Именно, видимо, поэтому некоторое время он туда-сюда бродил возле своей бедолаги «Ауди», теребя в руках всё ту же грязную тряпицу, словно надеясь вытеребить из неё подсказку или совет. Фигура его при этом окончательно надломилась, и буква «зю» перестала быть такой округлой, какой была изначально, и прямо кричала о своём отчаянии. Женские половины молча, и уже безучастно, смотрели на него. Девочка по-прежнему возвышалась над ними, стоя на буераке.

Но внезапно парень прекратил шатание, остановился, ударил себя по лбу – мне было видно, как он улыбнулся сам себе, – и направился к грузовичку.

Я могла лицезреть, как он открывает дверцу, по пояс внедряет своё длинное тело в кабину и достаёт... ЛОПАТУ.

«Вот идиот! У него же всё это время лопата под рукой была!»

Парень с лопатой наперевес, почему-то опустив голову и неуверенно глядя себе под ноги, отчего казалось, что он её впервые держит в руках, подошёл к «Ауди», наклонился и по очереди принялся копать под колёсами... передними.

Не удержавшись, я вслух прошептала:

– Под задним правым копай. Под за-а-адним пра-а-а-вым.

Но в это время мой молодец вовсе перестал копать, что-то сказал женским половинам и девочке, и те поочерёдно залезли в машину – девочка выказала при этом невероятную жизнерадостность, чего нельзя было сказать о взрослых дамах.

С видимым удовлетворением хлопнув за ними дверцы, он пошёл к грузовичку и убрал в него лопату.

...Он возвращался к своему «сокровищу» и по всему было видно, что доволен он проделанной работой и уверен, что сейчас-то повезёт своих заждавшихся женских половин по их делам.

Я прищурила глаз: «Ну-ну!»

Парень, в который уже раз, сел за руль.

Машина заюзала взад-вперёд, взад-вперёд, взад-вперёд... и... застыла.

Мне было видно из окна, как замолкли до того заговорившие друг с другом спутницы парня в машине, и в недоумении уставились на него, как ударил бедолага по рулю руками

и что-то очень, очень нехорошее сказал, потому как тётка в ответ на это ударила его по плечу и указала на девочку. Парень замотал головой.

«Ну, наконец! Ожил! Теперь уж должен он под правым задним подкопать! Хотя бы методом исключения сообразить должен, где ещё не копал».

Я приникла к стеклу, трепетно ожидая развязки. И да – парень вышел, вновь вооружился лопатой и начал копать, но... под задним *левым*!

Я захохотала!

А тот, покопав, снова сел за руль. И ведь не попросил попутчиц выйти!

И машина заюзала...

– Вот д...б! Высади ты их! Выведи машину сначала! – я рыдала от смеха.

Но парень наотрез отказывался меня слушать. Он, в который уже раз, вылез на проезжую часть, снова сходил к грузовичку за лопатой, и начал обходить вконец измученную свою машину. Но не с той стороны, где было уже расчищено, и с которой в салон залезли попутчицы, а с другой, прижатой к буераку, стороны. Ему пришлось вскарабкаться с лопатой в руках на буерак, затем с трудом протиснуться между ним и машиной, скользя спуститься вниз и только после этого приступить к подкопу правого заднего.

«Совсем плохой!» – уже то ли с жалостью к этому юродивому, то ли с тоской по утерянным за последние двадцать лет полноценным русским мужикам, подумала я, наблюдая за перипетиями русского молодого самородка.

Тот до-о-олго махал лопатой.

А потом не через буерак, а по прямой, вернулся к передней дверце и сел за руль.

«Ну, хоть обратно через буерак не полез! Значит, просветление получил – раз увидел путь прямой, – искренне порадовалась я за самородка. – Однако мгновенно мне пришлось изменить мнение: – Нет, не совсем просветлел, раз попутчиц из машины опять не выгнал! Значит...»

И я увидела, как машина снова «заюзала», клубясь сзади белым плотным облаком...

Решив, что больше ничего интересного не увижу, безнадежно махнув рукой, я покинула свой наблюдательный пост и занялась домашними делами, тогда как плотный белёсый туман продолжал обильно клубиться вокруг машины...

... Через полчаса обеденные дела призвали меня на кухню. Я по привычке глянула в окно.

«Ауди» увозил эвакуатор. Парень бежал за ним и отчаянно размахивал руками.

Щуплая девушка, глубоко засунув руки в карманы голубой курточки и втянув голову в плечи, по-прежнему, изваянием, высилась на пригорке и по-прежнему никак не реагировала на происходящее.

Тётка курила, провожая взглядом и эвакуатор, и парня, а девочка стояла с ней рядом и, глядя в безоблачное небо, чему-то улыбалась.

Часть вторая

«ВОТ БЫЛИ МУЖИКИ!»

Мужчинам, ровесникам моим, посвящается.

Поехали мы как-то с мужем на рыбалку.

Зима в тот год пришлась как будто на раннюю весну – за все три зимние месяца мы не видали ни порядочного снега, ни обычных для Дальневосточного Приморья морозов градусов под тридцать. Они то приходили и давили крепко, не давая даже яркому, словно в июне, и такому же жаркому солнцу примирить людей и природу с ними, то внезапно уходили. И тогда солнце наводило «порядок»: жиденький снежок быстренько куда-то исчезал, обнажая твёрдую, кочковатую землю, и природа, как будто желая обмануться, начинала петь свою «типа» – весеннюю песню.

Вот в один из таких «жарких» дней муж и решил отправиться на подлёдный лов.

– Хорошая погодка сегодня! – потирая от удовольствия руки, всё утро гундел он. – Самая лучшая для рыбалки!

– А может, поостережемся? – робко пыталась возразить я. – Смотри, уже неделю солнце жарит. А вдруг лёд начал подтаивать? Всё-таки уже почти весна – конец февраля.

– Что ты, Любочка! Как будто не знаешь, что это всё обманка – солнце жаркое! Вспомни, в тени, вон под северной стеной дома – до июня земля, бывает, не прогревается!

– Так то – земля, – всё-таки пыталась настоять я на своём. – А то – лёд! Зимы-то совсем практически не было. – И, тронув мужа за локоть, протянула: – Ва-а-ась, может, не поедем?

– Трусилка ты моя! Поедем, поедem – я с мужиками уже договорился – Иваныч, Сашка и его брат – Толян, тоже с нами.

Я замолчала и принялась собирать рюкзак. Как всегда, муж не предупредил, что с нами целая компания мужичков едет. Значит, увеличить количество провизии придётся. Но мне было не привыкать. Муж никогда не ездил на рыбалку один. Да и мне нравилось, когда компания мужская собиралась. Те своих жён на ловлю не брали – говорили, мол, отдыхать едут, а не поднадзорно время проводить. Кое-что с собой приносили из еды, но больше – порожняком приходили. Опять же объяснялось это тем, что наловят рыбы и ухой удовольствие заедят. Но я-то знала, что на природе, с устатку, так сказать, подморозившись на льду сидя, от домашних заготовок, да ещё под водочку, ни один русский мужчинка никогда не откажется. А уж после домашненького – и ушица хорошо идёт!

К тому же Вася мой поесть – ох! как любил.

И вот только закончила я съестные сборы, а Вася – рыбальные, ребятки подошли. У них у каждого своя машина, но любили они больше на нашей старенькой вместительной Тойоте, и когда Вася за рулём, – в такие путешествия отправляться.

Погалдели они солидно между собой, впечатлениями – кого как жена проводила – обменялись, (а всех по-разному проводила!) – и вышли мы наконец из дома.

Солнце светит, птицы гомонят, кошки на припёке растянулись, голуби-мужики хвосты пушат, к самочкам клеятся и курлычат, курлычат, а те, словно не о них речь, ножками в сторону семят. И чуть ли ни капель с крыш звенит.

Я пытливо и со значением посмотрела на мужа, мол, видишь, права я – опасно на лёд выходить. Вася мой вид сделал задумчивый, как будто соглашается со мной, посмотрел вокруг, на солнце прищурился, головой помотал сокрушённо и беззвучно, как только он один и умел смеяться – рассмеялся.

А мужички уже деловито подходят к машине.

Конечно, я и не рассчитывала, что со мной кто-то согласится. Но всё же! А с другой стороны, раз в компанию меня мужскую приняли – никто никогда не возражал, чтобы я ездила с ними на рыбалку или ещё куда, например, за папоротником, по грибы, или просто – на мужские посиделки, – значит, и фасон держать надо!

И поехали мы. Знать бы только заранее моему Василию, чем вся эта поездка для него обернется!

А я ведь говорила!

Рыбалка на льду была не очень дальняя – речка огибала наш посёлок и уходила тихими, (если не тайфун или не наводнение), водами вдаль.

Мы ездили всегда на одно и то же место. Было оно присмотрено давно и обустроено даже нехитро на первый случай, если что. Потому я и соглашалась ездить – там мне и приготовить, и покормить мужскую компанию удобно, и обогреться есть где, и всякое такое прочее – по надобности.

В машине, за закрытыми стёклами, было жарко. Особенно припекало с той стороны, где солнце сквозь них светило. Казалось, что снаружи – июль в разгаре. Но мы-то знали, что там всё ещё минус десять. Такой вот обманчивый этот Приморский край, хотя и на широте Сочи!

Стали мы подъезжать к реке. Муж пытался найти удобный съезд на берег. А надо сказать, берега на той нашей речке были не высокие, но крутыми могли быть – мама не горюй! Однако туда, куда мы направлялись, берег был хотя и высокий, но зато пологий. Зимой всегда, если ещё и снега нет, совсем просто по нему к реке съехать, даже без шипованой резины, которой муж тогда ещё не обзавёлся.

Ну вот.

Нашёл Вася съезд и стал потихоньку, притормаживая, спускаться. А я гляжу вперёд, на реку, на лёд, и вдруг вижу, что метрах в пяти от берега – полынья! Я-то на переднем месте сижу, вот мне и видно лучше всех. А муж спуском занят.

И тут давай я орать:

– Тормози, тормози, полынья!

А он на меня не смотрит, улыбается, видно, думает, что я в своём репертуаре – страшаю его. Мужики на заднем сидении захихикали.

А машина всё ближе к наледи на берегу, всё ближе!

Тут я как начну ручку дверцы дёргать, а она, гадина, как нарочно, как в америкоских фильмах ужасов – я-то всегда думала, что это специально они так придумывают и снимают, чтобы обстановку сильнее нагнетать и страх на зрителя нагонять, – не поддаётся. И здесь, наконец, обратил Вася внимание и на меня, и на речку. Полынью увидал. Никогда не слышала, чтобы матом ругался, а тут такое выдал! – и по тормозам! Мужики сзади нам на плечи навалились и через лобовое стекло увидеть силятся, отчего я ору, и Вася матюгается. А он давит на тормоз, а машина уже на заледенелый берег выехала и катит себе вперёд, и катит.

Конечно, всё это я описываю медленно, как будто так медленно всё и происходило. А на самом деле – секунды!

Смогла я дверцу открыть и вывалилась на берег, а машина с моим Васей и мужиками как катилась к проруби, так и покатилась!

Я глаза закрыла...

...Слышу, крики ко мне приближаются. Глаза открыла, а увидеть от пелены в глазах ничего не могу, только силуэты размытые, бликами тёмными мерцают. И голос:

– Любочка, Любочка, всё в порядке.

И руки, с земли меня поднимающие.

– Любочка, всё в порядке. Ничего страшного не случилось. Живы мы все.

И только тут зрение ко мне вернулось. Смотрю, а Вася мой рядышком стоит и меня обнимает, а мужички – Иваныч, Сашка и брат его Толян – бледнющие, как из могилы вынутые! Но смеются, гады! Вот сволочи! А меня ноги не держат. Вот что значит, не женское это дело в мужские компании лезть!

Вокруг я глазами обвела, а машины-то нашей нигде не видно.

– Вася, а машина?..

– Машина?.. Да чёрт с ней, с машиной – вон под лёд уходит.

Я как глянула, так и обомлела вся! Машинка наша любимая, Тойоточка старенькая – только багажник из полыньи торчит! И только я багажник взглядом зацепить успела, а он – нырк – и нет его. Полынья, точно так и родилась ровненькая – плещется себе.

– Вася-я-я!

– Ну что – Вася. Завтра пригоню трактор, и вытянем её.

– Да при чём тут она!!! Живы-то как остались? Господи!

И тут меня замутило, а потом, сразу же – злость такая налетела!

– Говорила же я! Говорила! Придурок несчастный! Зачем поехали?! Я же говорила...

Слезам моим не было конца. А мужики и Вася мой только молча стояли передо мной и пыхтели, пряча глаза...

Вот такая история. Но это не конец её, а начало, и это будет то самое главное, о чём я и хотела рассказать, а именно: «Вот были мужики!»

На следующий день Вася мой к полынье трактор погнал – хорошо не так далеко, как я раньше уже сказала, было ехать. Но ничего с трактором не получилось – слишком глубоко села машинка-то наша под лёд. Пришлось ему идти кран в ПМК просить. Но дали, дали – ничего нельзя плохого сказать. Да и как не дать? Не по пьяному же делу всё случилось! Все знали, что Вася мой непьющий, за руль, даже с рыбалки едет – только трезвым сядет. Потому и мужики любили с ним ездить – сам не пьёт, а они – сколько хочешь себе! А он потом их по домам развозит.

Все спецы, правда, на ПМК (передвижная механизированная колонна), Васе сказали, что, мол, можешь уже больше, Михалыч, не беспокоиться о Тойоте своей – как вытащишь, так сразу на свалку вези. Мало того, что старенькая уже (лет десять к тому моменту уже пробег у неё был – из Японии, правда, только три года как пригнали), так после такого ледяного душа и пребывания больше суток под водой, только на запчасти продавать её можно будет, да и за запчасти лишь мизерную цену взять получится, потому как старые уже, а теперь и поржавевшие станут к тому же.

Но муж слушать никого не стал. Вот упрямый он был! А может – упорный. Кто его знает, где упрямство у русского мужика в упорство переходит?

Настоял он, значит, дали ему на ПМК кран, и поехал он с мужичками из плена водяного-ледяного красавицу нашу белоснежную вызволять. Думали все, и я в том числе – бывшую красавицу.

Уж не знаю, сразу ли вытащили, или помучились. Вася мой, после того как не послушался меня и машину в полынье угробил, старался меньше меня волновать и обо всём, что связано с той поездкой и, конечно, машиной – не распространялся.

А почему? Потому что Тойоту ту я ему на сорокалетие, можно сказать, подарила.

...Девяностые. Лихие. Теперь одного из этих слов достаточно, чтобы русский человек понял, о чём речь.

И как раз незадолго до этого приехали мы с Васей в Приморье. Вася мой всю жизнь мечтал в деревне жить, хозяйство держать. Уговорил он меня – поехали. Сын в столичном городе остался. В институт поступил и с бабушкой, мамой моей, остался жить. И мне спокойнее: маме – помощь, а за сыном – пригляд... Знала бы я тогда, что всё там у них не так будет. ...Длинная это и... печальная история. Да ладно. Чего уж теперь... Дело прошлое...

Стали мы с Васей хозяйством обзаводиться. Корову купили, поросят парочку за полцены – чуть живых, выходили, курочек, уток. Огород я завела. Ничего этого раньше ни я, ни Вася не имели в жизни и не знали поначалу, как с этим всем управляться. Но потихоньку стало получаться. Доить корову и я, и Вася научились. В общем – оказалось, что хозяйство держать дело нехитрое. Главное, трудиться, рук не покладая, и кормами вовремя запастись. А в Приморье тогда сою повсеместно выращивали (может, и теперь – не знаю), и потому с кормами трудностей не возникало.

Ну, вот. И здесь девяностые пришли. В магазинах – шаром покати. Хорошо, что хозяйство своё. Но тоже – не долго оно помогало. Корма подорожали, посевной картофель стало не купить. Электричество отключать начали. И пошло-поехало.

И тогда решили мы, что надо мужу делом каким-то прибыльным заняться. У него, как обычно, по советским временам, права были с училища. И посоветовавшись, порешили мы, что продадим, к шути гороховому, всё хозяйство, я работать в заготконтору пойду, а он – водилой частным по Уссурийску делается.

Хочу ещё сказать, что муж мой, Василий, с полным упопомрачением с самой свадьбы нашей о машине мечтал. В стране тогда это самое заветное и невыполнимое для большинства мужчин желание было. И вот когда в Приморье приехали мы, сразу по уценке мотоцикл ему с коляской купили. Очень выручил он нас, тот мотоцикл «Урал». Особенно, когда за хозяйство взялись. Но теперь, когда с хозяйством решили проститься, и с «Уралом» нашим начали прощаться, поскольку выяснил Вася, что за Тойоту, даже с большим пробегом, всего нашего хозяйства не хватит. Хватит, если только «Урал» продать.

А что делать? Выбор разве был? ...Хотя, выбор, наверно, всегда есть... Мы решили рискнуть. Короче, продали всё и Тойоту купили. Красавица! Изящная, белоснежная, просторная внутри. И пошёл Василий мой «бомбить» в Уссурийск. Я тоже на работу устроилась. Но основной статьёй дохода был всё-таки извоз. «Тойота-кормилица». Так мы её и звали. Супруг только что пылинки с неё не сдувал! Особенно первое время – разве только что в гараже с ней не спал! Я смеялась потихоньку и не препятствовала ему ребячиться. А что? Пообещала же я ему когда-то, в начале жизни нашей супружеской, что к сорокалетию машину ему куплю, и купила. А как же? Если бы не было моего согласия все деньги в неё вложить, разве же бы он её купил? Да и почему же такому хорошему, заботливому и работающему мужу, каким был мой Вася, такой подарок заслуженный не сделать? Вот и сделала. И радовалась на его радость, глядя.

А тут такое! Утопил! И без возможности отремонтировать...

Но я не злилась на него. Как говорится – «деньги – дело наживное». Главное, чтобы мир и лад в доме были. Ни матери, ни сыну этого ничего мы не сообщили. Пусть своими заботами живут, нечего наши ещё на голову брать. И потому, как посылали мы денюшку матери к её пенсии и сыну – к его стипендии, так посылать и продолжили.

Так вот. Вытащили они машину. Привезли. Во двор сгрузили. Больше всё это действо похоже было на похоронную процессию.

Муж с мужиками её в гараж закатил. Я в окно смотрела и удивлялась: почему на запчасти, с виду совсем новенькая. Только не едет сама. Потом оказалось, что в этом всё дело и было. И ещё в чём-то – сейчас не вспомню... Может, позже.

Так вот, значит. Да...

...Закрыл, значит, Вася тогда ворота эти гаражные, мужики возле него потоптались-потоптались виновато, как будто это они его машину утопили, и пошли себе по домам

к своим целеньким и невредимым машинам. А Вася остался стоять возле гаража и глядеть себе под ноги. Я его трогать не стала.

Сколько-то времени прошло.

Потом он в дом заходит, посередине комнаты за стол усаживается и заявляет:

– Сделаю я её. И побежит она у меня как миленькая.

Я под села с боку и удивилась:

– Механики же из ПМК твёрдо побожились, что ничего с ней сделать уже невозможно – больше суток в воде ледяной просидела. Даже, говорили, на запчасти вряд ли пойдёт, только если за бесценку совсем.

– Ага! А что мы с тобой делать будем без хозяйства, мотоцикла и без машины вот теперь? Где я денег таких заработаю, чтобы и нам не тяжко жить было, и матери с Лёшкой помощь посылать. Твои-то девяносто пять рублей к какому месту приложить можно, чтобы их хватило?

Он помолчал, потом обнял меня и голову мою на плечо себе положил.

– Ничего, Любочка, прорвёмся! Сделаю я её, вот увидишь! Ты вспомни, когда мы сюда приехали и дали нам квартиру с выломанным унитазом. Помнишь, что сантехники жёковские мне сказали? Помнишь? «Брось, мужик, забудь об унитазе! Ничего здесь сделать уже невозможно. Придётся вам, городским, без унитаза теперь жить». Ещё и посмеялись надо мной, когда я сказал, если они не берутся, то я сам его сделаю. И ведь сделал же! Помнишь, ещё приходили они своими глазами убедиться, что стоит унитаз и ещё и фурычит. Помнишь, их лица? Так и с машиной нашей будет.

Что мне оставалось? Только поверить его словам. Я и поверила. А он с того дня переселился жить в гараж. Я ему туда и покушать носила. Знакомые все наши и незнакомые даже – все приходили на работу его посмотреть. Механики и другие спецы из ПМК тоже заходили – и выходили, с сомнением на лицах, переглядываясь друг с другом.

Услышала я как-то их разговор.

– Умается перебирать. Ладно – движок и детали там всякие... Хотя, опять же, потом собирать же всё это надо. Не наш, всё-таки Жигулёнок, как ни крути. А вот ржа если есть начнёт?

– Да уж... почитай больше суток в воде торчала... мало разобрать, перебрать... Просушить, мать твою, всё надо. Не приведи господь – где под обшивкой влага останется! Сожрёт ржа, правда твоя, Степаныч, как есть сожрёт машину-то...

– Как есть сожрёт! Вывез бы Василий её на свалку сразу, чем мудохаться с ней зазря.

Вот так вот.

А Вася... Вася из гаража почти месяц не выходил.

К концу этого срока никто уже к нему не заходил. В посёлке посмеиваться начали – рехнулся мужик. И я, честно сказать, веру терять начала. Но история с унитазом поддерживала ещё во мне её остатки. Хотя машина импортная – это тебе не унитаз.

Вовсю звенел апрель! На солнечной стороне днём можно было, раздевшись до купальника, загорать и даже обгореть! Коты были по всему посёлку ночами, кобели бесхозные стаями хороводили тощих сучек, а домашние кобели с ума сходили, норовя сорваться с привязи. Лёд на реке тронулся окончательно и разновеликими льдинами стремительно проносился между берегов. Река готовилась, как всегда по весне, выйти из этих самых берегов. В огородах кипела работа: вскрывались парники, разбрасывался навоз, возводились высокие грядки, высаживалась рассада и разбрасывались семена. Словом, жизнь по полной программе бурлила во всём, во всех и повсюду! А мы жили на одну мою зарплату в девяносто пять рублей, и Вася по-прежнему не вылазил из гаража...

Да... вот так вот... К этому времени мне уже стало казаться, что так теперь и будет всю оставшуюся нашу жизнь...

Была пятница. Рабочий день в сельской местности тогда, а может, и до сих пор, длился до четырёх часов. Во всяком случае – у женщин.

Я собиралась домой. Работницы переговаривались между собой, смеялись, шутили, а я представляла, как приду домой, увижу открытые ворота гаража, согнувшегося над какими-то деталями мужа, потом приготовлю поесть и отнесу ему в гараж... Сердце заныло от жалости.

– Смотрите, девочки! Это кто такой важный на Тойоте белоснежной к нам приехал? Слышь, Любаша, только у твоего такая была. Никак, у кого-то ещё появилась? – раздался удивлённый голос Людмилы, нашего счетовода.

Женщины замолчали и, побросав дела, сыпанули к окнам конторы. И вдруг все разом загалдели:

– Люба, Люба! Иди скорей сюда! Смотри – это же твой Василий!

– Какая Тойота, какой Василий! Девчонки, вы же знаете, что...

И тут в контору вошёл мой Вася. Он взглядом нашёл меня, и, шаркнув по полу ногой, с поклоном, торжественно произнёс

– Прошу, мадам! Извольте проехать на машине до дома. Рад буду подвезти!

– Вася-я-я-я!

...Целый год мы ещё на нашей красавице ездили, а потом муж продал её во Владик кому-то за хоро-о-ошие деньги!

Я открыла глаза.

Надо же – задремала! А как будто наяву всё было и совсем недавно. Как сейчас.

О чём это я думала перед тем, как дрёма одолела?... О нынешнем поколении... Вспомнила о зяте подруги... Да, это ему я тогда эту историю рассказала. Когда кран он починить не мог, – а всего-то – прокладку заменить надо было. С тех пор никогда не слышала от подруги жалоб на него. Говорит, с того дня, если что-то у него не ладится, сядет к компьютеру и ищет, ищет подсказку там в нём, пока не найдёт. И сам теперь за все дела мужские берётся – и просить не надо!..

Тут мысли мои снова вернулись к сегодняшнему дню и лицедейству за окном. Я поняла, что воспоминания о былом успокоили меня, и потому не осталось во мне ни раздражения, ни возмущения на происходящее вокруг. Что же делать? Какое время – такие и песни! Я бы ещё добавила: какое время – такие и певцы. Остаётся надеяться, что и эти великовозрастные дети когда-то окончательно повзрослеют, и придёт к ним понимание своей роли и места в этой жизни, как и ответственности за вокруг происходящее.

09 – 25 марта 2018

Санкт-Петербург.

...с небес раздался голос ясный: – Я – Проза Жизни.

Мне подвластно всё: и жизнь, и слёзы, и любовь,

и сладость грёз... химеры снов... Поговорим? хотя б о том...

Крутой поворот

– Стой! Стрелять буду!

По пятам за ним гналась сама Смерть. Он чувствовал, даже, кажется – слышал, как вокруг него свистят пули. Смерть гналась за ним, но жажда жизни подгоняла его ещё сильнее.

И ему уже казалось, что это не пули свистят, а, от сумасшедшей скорости его бега – бьющий в лицо ветер. Казалось, что свист ветра в ушах заглушает все другие звуки. Но он ЗНАЛ – это продолжала свистеть свинцовая Смерть.

Ему оставалось только повернуть за угол, и он был бы спасён – дальше начинались Питерские дворовые колодцы, созданные домами, построенными в девятнадцатом веке, – со сквозными подворотнями и, в большинстве своём – с двойными входами-выходами. Но в этот, такой близкий миг спасения, Егор увидел, как впереди, метрах в десяти от него, открылась дверь, и из парадной на улицу вышла хорошо одетая молодая женщина за руку с упитанным карапузом лет четырёх, и вслед за ними, на самую середину тротуара, выскочил второй мальчуган постарше – лет десяти.

А свинцовая Смерть продолжала неотступно преследовать Егора и грозила сейчас вместе с ним унести с собой ещё и жизни вот этих троих.

– Ложись! Ложись! – из последних сил заорал он, рубящим движением руки сверху вниз сопровождая свой отчаянный крик.

Женщина, видимо, услышав и выстрелы, и крик, резко развернулась всем корпусом в его сторону, сильно дёрнув при этом малыша за руку. Тот заревел. Старший мальчишка мгновенно присел на корточки.

Времени больше ни на что не оставалось – и Егор, даже не собираясь притормозить, врезался в женщину, увлекая за собой на мостовую и её и ребёнка, и одновременно толкая туда же второго мальчика. И накрыл их собой...

И наступила ТИШИНА.

Они лезли отовсюду, шли потоком, как в сказке Андерсена о Нильсе. Они были и маленькие, и большие, серые, бурые и даже! – тёмно-розовые, как свёкла. Когда её очистишь. Они оставляли за собой слизкий след и ничего не боялись. Они заполняли комнату и коридор, уверенные в себе. Весь пол был усеян этими бурачного цвета тварями и их детёнышами. И рядом с детёнышами – их мамы – огромные крысы. Прямо как на лежбище морских слонов. И слизь от них на полу кругом, слизь!

Я орала, чтобы кто-то вызвал санэпидемстанцию, но никак никто не мог никого вызвать – то ли номер не отвечал, то ли они его не знали. Какой-то мужчина, хорошо мне знакомый, чуть ли не бывший муж, принёс мне рюмку воды, и я выпила её, давясь и обливаясь.

Я и закричала во сне. И проснулась. Оттого, что услышала своё истошное мычание...

Такого мерзопакостного сна я не видала ни разу в жизни! Ни разу! И было такое чувство, что это как-то совсем уж напрямую связано с моими метаниями в течение последней недели в отношении выпускного задания. А с этим выпускным заданием надо было что-то срочно придумывать – сроки уже поджимали.

Вернулось воспоминание сна, и я почувствовала, как сердце начало щемить, и щемление это почему-то отдалось ломотой в левом бедре.

«Этого ещё не хватало! Говорил же Мастер, что настоящий писатель не имеет такого права – болеть!»

Я перевернулась на правый бок – сердце чуть отпустило, но осталось неприятное чувство беспокойства за него – с чего бы вдруг оно щемить как больное, начало?... и бедро...

«Нет, с заданием надо что-то срочно делать! От таких кошмарных снов и умом тронуться недолго! Но не отправлять же вместо выполненного задания, текст до курсов написанный!»

Сердце вновь попыталось мне что-то сказать, но передумало. Я передохнула.

«И уж ворочайся не ворочайся, а писать задание надо!» – решила я себя не успокаивать наперекор голосу сердца. Но отчего-то вдруг полегчало. На электрических, сорокалетних, часах приятным зеленоватым светом мерцали цифры: четыре и – точка – двадцать пять.

«Опять не выпалась!»

– И не выспишься, пока не напишешь. А то и совсем спать забудешь!

Это я уже вслух себе сказала – и начала выползать из постели. Села. Смотрю на компьютер, а он у меня прямо у кровати поставлен, и я его уже в спящем режиме в последние дни держу. А толку – выключать? – чуть идея какая-никакая в голову придёт – к компьютеру. Я же – как последнюю неделю живу? Только мыслями о выполнении задания. И обязательно чтобы – как Мастера учили, по всем их требованиям. Но всё без толку – за эту неделю только и смогла, что слова из задания по толковому словарю прояснила – лучше бы, наверно, не проясняла – только запуталось у меня всё больше.

Но динамичное начало сочинила.

Долго рождалось оно у меня. И не родилось бы совсем, если бы в словарь тот толковый с горя ни полезла и прояснять это слово – «динамичный» – ни стала. А когда прояснила, закошмарилась – как я выше в этом призналась – совсем. Потому что при глубоком прояснении его дефиниций, то есть проясняя ещё и дефиниции слов его определяющих, проявился целый алгоритм этого слова – «динамичный». Исходя из него, получалось, что «динамичное», как требовалось в задании начало истории – будет и «завязка», и «развитие», и «кульминация», и «яркий финал». И если состряпал такое динамичное начало, считай, – вся история уже и написана. Тогда о чём же дальше потом писать?.. Ну и героя интересного, то есть привлекательного, то есть – возбуждающего любопытство и желание его узнать и понять, (опять же – согласно словарю), вставить не забудь. Да! Ещё мир в рассказе должен быть интригующий. С этим придётся повозиться, если, конечно, ни начать фантазировать и от полной правды жизни ни уходить. А с этим у меня, я точно знаю, совсем «кранты». Ну не фантазёр я! Не – фан-та-зёр-фан-таст!

«Иди! Садись к компьютеру! Это твоё рабочее место теперь по гроб жизни, если хочешь настоящим писателем стать! Сказано ведь было – по авторскому листу в день!»

С нажатием кнопки «пуск», компьютер заурчал и засветился монитором.

Есть не хотелось. Пить хотелось. Прямо как в том кошмарики из сна.

Пошла на кухню и налила воды. В стакан. Выпила залпом. Ещё хочу. Снова стакан – снова залпом. И тут доходить до меня начинает, что это на нервной почве я так к воде присосалась.

Возвращаюсь к рабочему месту. Чувствую – нервы уже совсем напряглись. Ну, и пяти часов ещё нет – спать бы и спать! Но призываю дисциплину. Села. Смотрю на монитор и кнопки нажимаю. Вот уже и оскоплённый мой фрагмент текста появился. То самое динамичное начало: «Стойте! Стрелять буду!». Вот ведь написала же я его! Порадовалась сначала. А дальше – отчаяние опять накатило. Это самое динамичное начало было точно по словарю: и завязкой, и развитием, и кульминацией, и даже – это, конечно, кто как посмотрит – ярким финалом. И даже герой привлекательный, хотя за ним и милиция гонится.

Смотрю на своё динамичное начало, и снова нервы заводиться начинают. Не знаю, как дальше события развивать, если всё уже написано... Единственное, думаю, конечно достоверности и логики в этой краткой истории не хватает. С какой стати этот мой герой должен кого-то своим телом накрывать, если Смерть – слово «смерть» обязательно с большой буквы должно быть – ему самому в спину стучит! Но понимаю, что здесь уж я выбирала между «быть моему герою привлекательным» или «не быть». Рисковать собственной жизнью, ради спасения

других! Это ли ни привлекательность!.. Хотя... с другой стороны, всякий может сказать, что совсем этот герой не привлекательный, а – дурак! Сейчас ведь больше прагматизм в сердцах молодого читателя живёт, а не романтика героизма. А всё потому, что – говорят все вокруг – мир так вот изменился, и других героев уже в себе несёт, а потому и читатель прагматичных героев требует – они ему ближе и понятней. Нет, конечно, не всё так однозначно! Если, например, в фэнтези герой красавицу спасает, рискуя жизнью, или неземную цивилизацию какую-нибудь слабенькую вызволяет – это здорово! Он же потом всё равно живой водой на раны себе брызнет, или красавица – ему – после своего спасения, и будет он снова герой привлекательный, а главное – живой. Или, допустим, луч оживляющий по нему писатель фэнтезийный пустит, если что... Там-то, в другом мире, всё по-другому. А в этом – накрыл собой – и ноги холодные – помер! Что в этом привлекательного? Дурь одна. Это-то я понимаю – не в вакууме живу. Но по старинке решила я всё-таки, когда писала его, это самое динамичное начало, написать как душа просила – пусть накрывает мой герой своим телом тех троих, пусть спасает! А вот теперь и загвоздка у меня дальше с выпускным заданием, с историей дальнейшей из-за этого получается: динамичное начало – экшен по-современному – сделала, а как дальше это начало с закрученным экшеном развивать, чтобы ещё закрученнее историю сделать?

Живым героя оставить – значит в лапы милиции отдать. Сразу вопрос о ярком финале всей дальнейшей истории встаёт – из чего его сотворить? Сбежит герой? Какой же это яркий финал. Яркий – значит впечатляющий, по толковому словарю. Я же все слова из требований к выпускному заданию прояснила! А сбежать из милиции – совсем не ярко, да и избито это – шаблон, Мастера так говорят. Не интересно...

Убить его прямо сейчас... или в тюрьме?.. Нет, это уже совсем не ярко, и ещё шаблоннее.

Дальше идём. Ни ранить, ни убить его... Тогда куда-то его надо отправить... Куда? Да ещё так, чтобы новую кульминацию, то есть новую наивысшую точку напряжения (по словарю) подготовить и описать? Ещё чтобы и достоверным всё это было и логичным. И главное – чтобы не больше половины авторского листа, то есть – на три странички печатного текста шрифтом двенадцать, а лучше – и меньше!..

И вот сижу я так – раздумываю, и всё больше тоска на меня наваливается. Чувствую – к драматической кульминации своей короткой творческой жизни подхожу! А тут ещё смотрю – монитор погас, пока я раздумывала обо всём этом, моей гениальной идеи не дождался – энергию бережёт.

«Вот, – осеняет меня тут мысль, – машина железная, и то о своей жизнедеятельности беспокоится, пусть и по человеческой задумке. А я, глупая, не прагматичная, сижу здесь ни свет ни заря, не сплю, жадной нервной мучаюсь. В кульминацию жизни и неудавшегося творчества рискую сорваться с концами. И всё ради чего? Писателем, видите ли, стать решила! Мало ли, что учитель литературы, Василий Иванович старенький, будущее великое писательское мне предрекал! И академик Андрей Андреевич – тоже. Со всей своей семьёй и друзьями. Они старой закалки читатели были. Им красоту языка своего литературного, писатель, покажи! К нему же ещё и трепетность отношений человеческих, правду суровую жизни в её изломе судеб людских, преподнеси! Чтобы вместе с героями жизнь прекрасную, временами даже жестокую, прожить, красотой природы вместе с ними насладиться! Рассветы-закаты встречать-проводить. Жить и умирать героически. И так далее и тому подобное. Вот они и поощряли меня к труду писательскому. И нравилось им, как писать у меня получалось. Но теперь-то читатель другой! И Мастера нас об этом предупреждали неоднократно. Времена его, читателя, изменили. Переучиваться мне, значит, надо, как писать, и о чём».

Думаю я такие скорбные для себя мысли и всё смотрю на тёмный монитор – он-то силы свои зазря не разбрасывает! А я? На курсы, чтобы научиться писать по-новому, вот пошла. Думала – писать по-современному научусь, чтобы с первого предложения сразу читателя за рога хватать, утварью кухонной по голове наотмашь, фигурально выражаясь – чтобы

в экстаз его сразу привести и предложение это даже не дать дочитать, а так, чтобы он уже за следующее хватался! а потом не давать опомниться подготовкой кульминации, и-и-и – и сразу в дамки – кульминация – она же яркий финал! Если сложится всё по сюжету, конечно! А потом снова – динамичное начало-продолжение!.. кульминация!.. яркий финал!.. и супергерой интересный – прагматичный!.. или романтичный, но с моторчиком под плащом или со светящимся мечом возмездия в руках!..

«Нет, не получится у меня так писать. Слишком глубоко в подкорку мою советское прошлое вместе с классиками, русскими и зарубежными литературными, въелось».

Снова сердце и бедро дали о себе знать.

Вижу – совсем я приуныла. И не только монитор тёмный у меня перед глазами, а и всё моё писательское будущее.

И тут вдруг – наверное, классики русские и зарубежные мне на помощь пришли – такой подъём душевный внезапно ощутила! «Ну и пусть! – думаю. – Не получится, так не получится! Было бы из-за чего такие муки душевные и физические принимать, или ещё чего хуже – болезни настоящие, сердечные?!»

Включила я монитор, сберёгший часть своих энергетических сил, пока мой разум предавался жутким драматизациям и прагматичным рассуждениям, как писать и о чём, ещё раз прошлась взглядом по всего лишь одной страничке шрифтом двенадцать динамичного начала, оно же – завязка, развитие, кульминация, развязка – яркий финал – выделила всё это курсором и без сожаления нажала – «Удалить».

Нет, не суждено мне, видимо, стать настоящим писателем!

01 апреля 2018

Санкт-Петербург.

«Буду худеть!»

Уже много лет мне не удавалось справиться с какой-то странной и, можно сказать, необъяснимой проблемой моего организма.

Эта проблема возникла не сразу, а как-то подспудно пробивала себе дорогу несколько лет.

А началось всё так.

...Как-то по осени, я ни с того ни с сего и ни по какой видимой причине, начала поправляться.

С неприятным удивлением наблюдала я за набором веса.

Что делать?

Первое, что пришло в голову – быстренько отказалась от сладкого-мучного, потом – от жирного-солёного.

Безрезультатно!

Добавила к этому упражнения всякие-разные.

Эффект тот же – ничего!

Наконец начала ходить пешком по целому часу каждый день.

Бесполезно – ничего не помогало! ничего!

И тут я вспомнила Вальку...

1.

За окном вагона мелькали питерские болота и худосочные кустики. Поезд уже выбрался из стеклобетонных построек города и скорым ходом продвигался в сторону... – я ехала в Литву.

Не была я там с того времени, как появились границы между, до того – очень братскими – союзными республиками, то есть – лет эдак двадцать.

Что я там хотела увидеть или найти сейчас – мне самой было непонятно. Но, как магнитом, все эти годы меня тянуло туда – в такую далёкую теперь – зарубежную – страну. Никаких связей с бывшими одноклассниками у меня не осталось. Интернет я не признавала, социальные сети и скайп – тоже. Живое общение, или, уж, в крайнем случае, письма. Но не интернет. И потому я понятия не имела, что и как там у школьных друзей, из тех, понятно, что остались в Литве после развала бывшей многонациональной нашей Родины – Советского Союза.

Итак, ехала я в Литву. Отстояла для начала в волнуемой очереди у литовского консульства, заполнила нервной рукой (чтобы, не дай бог! не ошибиться) все бланки, сфотографировалась и уплатила страховой взнос.

Не первый раз я ехала за границу и оформляла документы, но так как в этот раз – никогда ни волновалась. Может оттого, что в очереди тоже волновались, обсуждая двойное гражданство, которое сначала дали в Литве, теперь отменили. А может, некоторые, из стоявших в очереди, тоже, как и я, первый раз за последние десятилетия собирались к себе на родину, как не известно – куда, и тоже волновались.

...Ехала я в купе с тремя литовками. Те всю дорогу быстро-быстро, как кажется всякому непонимающему чужой язык, разговаривали между собой. Почти ничего я не понимала, но, похоже, обе они были в Питере не просто так, а «за товаром» и, к тому же – из одной деревни под Вильнюсом. Мне даже показалось, что название деревни вспомнила.

Сидела я молча, поджав под себя ноги, и до самых потёмков мирно глядела в окно. Ближе к вечеру за ним стали появляться более густые заросли, а рано утром, когда открыла глаза, потому что снова, по-литовски, затараторили попутчицы, за окном уже проплывали так любимые мною с детства могучие ели и стройные высокие сосны.

Литовки начали собираться, и я вышла в коридор, чтобы не мешать.

Как же любила я эти пейзажи! Как же скучала по ним столько лет! А Тамарка ещё говорила: «Подумаешь, Литва! Вон под Питером сколько лесов! Они, что, не такие, как твои любимые? Очень даже красивые!»

Понятное дело: всякий кулик своё болото хвалит. А Тамарка выросла на этих болотах. Может, где и были леса, а они, конечно, были, особенно в сторону Сиверской и под Лугой, но не те они были, не те! И когда кто-то из Питерских знакомых, так же, как и Тамарка, не понимая моей привязанности к природе Литвы и зачарованности тамошними лесами, говорил почти что словами Тамарки, всегда вспоминала я где-то прочитанное и отвечала:

– Леса-то, может, и похожи... да мои шумят по-другому.

На этом обсуждение красот лесов заканчивалось, как я понимала – за неимением у оппонентов чего мне возразить.

И вот стояла я в коридоре и услаждала глаза и сердце лесными красотами. Сосновый лес просматривался насквозь, и между стройными высокими деревьями далеко было видно всё лесное пространство. Даже отсюда, из вагона, через стекло окна ощущалась терпкая сухость воздуха и его чистота! Нет! Я просто знала это. Я знала и не забыла, как пахнет сосновый лес летом, какой у него изумительный аромат зимой, как тихонько пощёлкивает и похрустывает под ногами игольчатый сосновый настил, как осыпается белый-белый песок с пригорков, обнажая корни деревьев, а они высятся, могучие, и продолжают жить.

Так я и простояла, глядя в окно, до самого Вильнюса, а оттуда до своего городка доехала на маршрутке. Маршрутка! Это было совсем неожиданно – ведь когда-то даже из столичных городов прямо в наш городок можно было ехать на поезде. Теперь, как оказалось, больше никакие поезда туда не ходили... Даже из Вильнюса.

Короче, приехала я в свой маленький уютный городок на берегу не очень широкой, но заставляющей всегда биться моё сердце чаще, даже при воспоминании о ней, реки. Её ещё отчего-то иногда называли «седой». Из-за лесов прибрежных, отражавшихся в её водах, должно быть.

Так вот – приехала я, и в первый же день по приезде, на центральной улице встретила свою бывшую одноклассницу. Это был подарок, явно ниспосланный мне свыше! Ведь до этого часа два я обходила дома на знакомой улице, где в своё время жила и я, и эта одноклассница. Два часа – потому что адрес на смерть забыла. Я нажимала на дверные звонки в те квартиры, в которых, как мне казалось, должна была та проживать, но из этого ничего не получалось: мне открывали совершенно незнакомые люди, и настороженно глядя в ответ на мою русскую речь, очень неохотно произносили на ломаном русском – нет, такая здесь не живёт и никогда не жила. Постепенно меня начало охватывать уныние.

И вот подарок – навстречу мне шла сама Ирка Тишкина!

Конечно, в этой пожилой, немного располневшей женщине, я сразу узнала свою бывшую одноклассницу! Во-первых, Ирка сейчас была точной копией своей мамы, когда её мама была в том возрасте, в котором Ирка находилась сейчас, а во-вторых, потому что всё-таки ожидала встретить кого-то из своих бывших.

Ирка попыталась пройти мимо улыбавшейся ей во весь рот незнакомой и тоже пожилой женщины, но та заступила ей дорогу и произнесла призывно и очень фамильярно:

– Ирка! Не узнаешь?

Ирка запнулась на полушаге и недоуменно уставилась на меня. При этом глаза её из-под оправы очков глядели почти испуганно, отчего слегка округлились и стали чуть заметно косить.

Так мы стояли на небольшом расстоянии друг от друга, как две незнакомые кошки, встретившиеся на узенькой тропинке. Только одна из кошек – я – была подозрительно для другой кошки дружелюбной.

И тут, видимо, не узрев большой для себя опасности и словно проснувшись, Ирка встрепнулась, поперхнулась и сконфуженно выдавила из себя как-то не очень радостно:

– Мирка?.. ты?

– Ну, слава богу! Конечно, я!

И тут мы обе одновременно кинулись друг другу на шею...

Потом Ирка отвела меня к себе домой, и оказалось, что до этого я ломилась в квартиры соседних домов.

Потом мы сели за круглый, давнишний, со школьных лет знакомый мне обеденный стол в малюсенькой гостиной, и Ирка много чего рассказала про своё житьё-бытьё в постперестроечной независимой Литве. С её слов, на самом деле не так уж плохо, им, оставшимся здесь русским, жилось. Да и выглядела она совсем по-европейски: стильные брюки, лаковые туфли на невысоком каблучке, строгая кофточка без рюшей; на носу сидели дорогие очки в модной оправе, и ей не надо было их всё время поправлять, как в прежние времена другие очки, чтобы они постоянно не сползали на нос. Даже осанка у Ирки изменилась – стала прямой, и тоже, кажется, очень независимой. Угощала она тоже по-европейски – без излишеств.

Во всём остальном это была всё та же веснушчатая Ирка Тишкина с чуть косившими, и оттого казавшимися озорными, карими в крапинку глазами. Когда мы вдоволь наговорились, Ирка спохватилась и заявила, что мне надо обязательно встретиться с Валькой Зернец, потому как Валька, в общем-то, и есть одна из немногих их одноклассниц, что остались здесь.

– И другие наши ребята, конечно, есть, – как бы вскользь, всё же пояснила она, – Стасик, например. Но он бизнесменом заделался, особо с ним не заружишься. Яська тоже здесь. Но та полка по всем статьям стала, и к ней тоже запросто не подойдёшь. Райка в Поречье обосновалась. Но Поречье теперь Беларусь. Сложно с визой туда.

Она замолчала, многозначительно поглядев на меня. Мне захотелось спросить, почему сложно, но Ирка, видимо, решила, что здесь и так всё ясно (дорого очень), продолжила:

– Как-то разбрелись все – кто куда... – Она аккуратно, опять же как-то по-европейски сдержанно, без сожаления, вздохнула. – У всех свои дела и заботы, да и в школе с теми, другими, ни я, ни ты, ведь в особой дружбе не находились.

По её интонации и выражению лица я поняла, что действительно – «у всех свои дела и заботы», и что если до приезда сюда я надеялась, что встреча с одноклассниками произойдёт ровно в том ключе, в каком эти встречи проходили в наши давние молодые годы, так это я очень даже ошибалась. Видимо, независимость Литвы и её европеизация оказали некое воздействие и на наше дружное школьное сообщество.

– Да, Ира, времена поменялись в корне. И мы, конечно, меняемся, – без ложной грусти произнесла я. – Да ладно! Звони Вальке! Назначай встречу!

2.

Высокая и очень худая пожилая женщина с большой копной седых волос шла мне навстречу по бывшей лесной просеке, которая за прошедшие двадцать лет превратилась в широкую, вымощенную всё той же европейской плиткой, которой мостили и улицы в Питере, дорожку. Теперь бывшая лесная просека вела через лес не на какую-то там заброшенную окраину городка, а в большой жилой район, построенный там в восьмидесятые годы, и куда переселили очень многих жителей городка из центра и из частных домов с окраин – всё освободили для туристов и отдыхающих.

Женщина шла прогулочным шагом и вела на поводке маленькую и тощую (не потому что – не кормленную, а по породе) собачонку. Конечно, мне сразу стало понятно, что это Валька, хотя пышная седая шевелюра поначалу меня несколько и смутила. Однако, кроме этой «дамы с собачкой» в назначенное здесь для встречи время больше никого сейчас не было.

Да, это была Валька.

Валька и собачка! Это *уже* выглядело странно: никогда прежде Валька не была замечена в любви и даже симпатии к животным.

«Вот что время и наступающая старость с человеком сделать могут!» – подивилась про себя я и сразу же, приветствуя подругу, радостно и громко заговорила по-литовски, конечно же, путая слова и искажая окончания, хотя вот уже как два года ходила в центр литовской культуры и прилежно изучала литовский язык, который в своё время не доучила здесь, в школе. При этом, я совсем не сомневалась, что Валька тоже поймёт, что перед ней её бывшая близкая подруга Мирка.

Так и произошло: Валька узнала меня. Но не радостно, а с долей ехидства, однако безобидно, как и в былые времена, заключила, подходя:

– Не очень-то у тебя получается!

Я стушеввалась, поскольку по простоте душевной считала, что уж близкая подруга оценит мой литовский – всё же больше двадцати лет я не была в Литве. Кроме того, очень хотелось мне произвести впечатление именно на Вальку – это ведь она в школьные времена была для меня примером мудрости, стойкости, принципиальности и непогрешимости во всём. Мне иногда тогда даже казалось, что Валька старше меня, хотя та была на полгода младше. Валька была рассудительной, неспешной и, как было отмечено выше – мудрой. Это она тогда, в юности, говорила, что мне нужен очень сильный, с характером парень, иначе ничего в её, Миркиной, то есть – в моей – жизни не сложится. Сама Валька никогда ни в кого, в отличие от меня, влюбчивой, не влюблялась, с парнями водилась только в спортивном плане и вела себя так, словно ей вообще начхать на все эти вздохи-ахи и прочую девчоночью ерунду. У неё, мол, жизненная миссия покруче и поважнее вздохов при луне – она собиралась стать знаменитым модельером и мужем не обзаводиться – только ребёнком. На этой волне я долго, аж до самой своей свадьбы, принципиально считала, что мужа у меня тоже не будет – одни дети.

Ну, и вот – слушала я её тогда, открыв рот, и восторгалась Валькой не по-детски! У меня-то как раз всё было наоборот: и смешливая, и, по словам матери, – ветреная, и неусидчивая, и влюбчивая, и... в общем, ничего стоящего и путного из меня выйти по жизни не должно. Совсем другое дело – Валька...! Валька – это да!

И вот Валька, видимо, памятуя ту нашу неравную дружбу, сейчас насмешливо глядела на меня. И я, вот честное слово! стушеввалась. Но тут же оправилась и быстренько перевела всё в шутку: с расстроенных чувств встречу начинать не хотелось – характер у меня такой – дружелюбный, сама бы я никогда другого не обидела и насмехаться ни над кем не стала.

– Да ладно тебе, Валька! Не видишь, что ли, что дурачусь я.

Говорить о том, что вот уже два года доучиваю литовский язык, не захотелось, и потому, улыбаясь, продолжила:

– Конечно, ты-то уже двадцать лет по-литовски должна говорить, иначе ведь тебе здесь никак, я понимаю. Куда же мне с тобой тягаться! Вот и Ирка молодец! Освоили вы этот язык. А я – так – балуюсь. – Обниматься-целоваться с бывшей подругой, как при встрече с Ирккой, мне вдруг почему-то расхотелось.

– Пойдём, прогуляемся. Чуньку заодно выгуляем. Потом ко мне зайдём, посмотришь, как живу, – совсем обыденно, словно и не было двадцати лет разлуки, кинула Валька.

Я бросила взгляд на дрожавшую неизвестно отчего крохотную собачонку и подумала: «Да уж, собачище! Такую обязательно выгуливать надо, а то она на горшок дома сходить не может». Совсем не присущ мне цинизм в отношении животных, но и не свойственно мне сюсюканье с ними. А кроме того, не заметно было, чтобы и Валька очень уж трепетала сердцем в отношении собачонки.

– Конечно, пойдём прогуляемся. Хорошо тебе здесь жить: и лес, и река рядом. Вот и собачку есть, где выгуливать. Не то что у нас в Питере – все тротуары и газоны загажены.

Валька без слов согласно кивнула, видимо, понимая проблему мегаполиса, и потянула за поводок.

И мы пошли по бывшей просеке в сторону новостроек, где теперь жила моя бывшая подруга.

Квартирка была двухкомнатная, и хотя небольшая, но просторная. Ничто не захламляло её пространство, а на большом балконе – почти лоджии – стояли вынесенные из комнат горшки с кактусами. Их было огромное множество, и я с удивлением спросила:

– Как ты умудряешься их выращивать? Я попробовала один раз, они у меня все усохли или сгнили.

Валька по-учительски строго посмотрела на меня и с достоинством, делая упор на назидательность, ответила:

– Так *уметь* же надо. Видишь, на балкон на лето выношу горшки, закаляю. Ну и всякое такое. Чего я тебе рассказывать буду, ты же всё равно не будешь этим заниматься.

Пришлось про себя с этим согласиться, потому я просто промолчала.

Бывшая закадычная подруга была не очень многословна, угощение тоже было, опять же, по-европейски упорядоченным, но я и не собиралась никого объедать, хотя под ложечкой уже сосало. Но решила потерпеть, надеясь «после гостей» зайти в магазин, закупить всяких-разных литовских сыров и колбас, чудесного молока и главное – литовского ржаного хлеба с тмином, а потом со всем этим богатством пойти в лес, на берег реки и там уж вовсю «оторваться»! А сейчас, как говорится, «и на том спасибо!»

Разговор чуть оживился после того, как Чунька начала прыгать на стол, а Валька строгим голосом принялась её воспитывать. Я поинтересовалась собачонкой – кто она и откуда, узнала, что собачонку эту всучила на воспитание ей сестра Лидия.

Я хорошо помнила эту худую и остроносо-длинноносу Лидию, очень намного даже старшую сестру Вальки, которая всегда – в те давнишние школьные наши времена – была занята чем-то и на самом деле была очень доброй и приветливой. По вечерам, когда мы с Валькой сидели, уютно устроившись на панцирной, много чего повидавшей промятой кровати, и говорили «за жизнь», напротив нас, на такой же старенькой и промятой кровати, сидела Лида и что-то шила. Помнится, это были тряпичные куклы в национальных литовских костюмах – маленькие и очень натуральные, – которые она сдавала в местный сувенирный магазин, и таким образом помогала отцу прокормить довольно большую их семью – мама занималась хозяйством. Лида никогда не вступала с нами в разговор и, кажется, даже не слышала, о чем мы с Валькой вели наши душевные беседы.

Так вот, Валька взяла собачонку на воспитание у Лидии, поскольку её, Валькин сын, умница-разумница, (замуж она всё-таки вышла, но десять лет назад мужа похоронила), толковый программист, получил по контракту в Германии хорошую работу. Поработал, да так и остался – женился на немке. Он регулярно звонил матери и присылал материальную помощь – европейских пенсий на прожить было маловато, – об этом мне и Ирка мимоходом посетовала.

– Ну, а как в общем и целом жизнь? Ты-то здесь не одна, всё-таки – Лида рядом.

– А что Лидка? У неё своя семья. Забот полон рот. Здоровье не ахти какое – помнишь ведь, всегда она вкалывала.

– Помню, конечно... А у тебя со здоровьем как?

Валька на минуту задумалась и неохотно произнесла:

– Не очень у меня со здоровьем...

– А что так, серьёзное что-то?

– Как сказать... серьёзного ничего нет. Да только... у меня... давление, что ли, врачи говорят... Вот таблетки, пока простые совсем, выписали, чтобы жидкость в организме не скап-

ливалась – мочегонные. Похудела я на них, а до того полная была. Теперь легче и ходить, и дела домашние делать стало...

Я напряглась, и внутри у меня мгновенно поднялось сочувствие к подруге. Мне сразу стало жалко Вальку и не захотелось больше расспрашивать ту ни о чём.

В это время Чунька снова попыталась впрыгнуть на стол.

– Ну что ты с ней будешь делать? – не столько мне, сколько собачонке, совсем без эмоций сказала Валька. – Но с другой стороны – мне веселее, – уже адресуясь ко мне, добавила она. – Когда сын уехал – скучала. Но теперь и почта электронная быстрая, и скайп – почти каждый день звонит.

Я обрадовалась, что тема с болезнями исчерпана.

– А тебя к себе не зовёт?

– Зовёт. Но мне это надо? У меня здесь квартира своя: что хочу, то и делаю. В городе нашем всё мне знакомо – вот и в церковь нашу хожу, в хоре пою. А там что я делать буду? Вместе с ними обтираться? Не надо мне этого. Вот если совсем худо станет, тогда посмотрю. А сейчас – нет.

Слушала я её и снова, как всегда, когда слышала, что кого-то жить за границу зовут, или на работу какую туда приглашают, или замуж – те не хотят, причины всякие себе придумывают, – сокрушалась про себя: вот если бы ей кто предложил, особенно, если сын родной, за границей жить, или просто пожить – она бы даже в свои немолодые годы поехала бы. Поехала бы! А что? Пожить и посмотреть на то, как другие люди живут, язык другой узнать, кухню даже другую изучить и попробовать – и то интересно. А тут тебя сын родной зовёт – «не хочу». Хотя... может, какие отношения с невесткой не сложились? Кто знает.

Но уточнять ничего и выпрашивать я не стала. Засобиралась. День к вечеру уже шёл, а через лес не очень-то в наше время, хоть и за границей, идти охота. Это тебе не в советские времена, когда и в школу, и из школы полкласса через лес ходило, и зимой на лыжах до потёмок в лесу ошивались – никого не боялись, потому как никого бояться было и не надо. А сейчас...

– Пойду я, пожалуй, Валя. Поздно уже. Пока совсем не стемнело, ещё до гостиницы дойти надо.

Не стала я говорить, что и в магазин ещё зайти надо, чтобы купить поесть чего-нибудь, и что сегодня уже на берег реки не получится сходить – в гостинице есть придётся.

Валька не уговаривала остаться посидеть ещё. Не предложила она и переночевать у неё. Да я и не осталась бы. Поняла, что подружки мои бывшие другими стали и сами даже не замечают этого.

Видно, не очень сладко им здесь живётся, – глубокомысленно заключила я, – а может, так уже теперь здесь принято: по-европейски.

Однако видя, что уже по-настоящему вечер на дворе, Валька предложила мне денег на такси, чтобы в потёмках я через лес не шла. А я и не отказалась: подруга она мне всё-таки. Хоть и бывшая...

Через день я уехала. И знала, что вряд ли когда ещё сюда приеду. Делать здесь было нечего – ничего прежнего от того городка, от той жизни, от тех людей и друзей больше не осталось. А о чём можно говорить с незнакомыми людьми. Вот-вот – о чём?

3.

О той своей поездке за прошедшие годы я не вспоминала. До этого дня. Надо же! Прошло восемь лет!

Как катит время...

Были и электронные адреса бывших одноклассниц, и даже их литовские телефоны, но ни разу за эти годы я им не написала и не позвонила. Ещё тогда, когда обменивались адресами

и телефонами, знала, что ничего из этого не выйдет: не будут они ей писать и звонить, и она им – тоже. А вот сейчас, пожалуйста – вспомнила!

«И очень кстати, – подумала я, – как же раньше мне это в голову не пришло? Ведь тогда Валька очень хвалила мочегонные таблетки, благодаря которым похудела. И я это дело на себе испробую».

Подумав так, тут же твёрдо решила: «Всё! Именно так и буду худеть!»

Как водится, сразу полезла в интернет. Поискала такие таблетки. Выбрала самые что ни на есть простенькие, с минимумом побочных эффектов. И начала принимать.

Нет, ничего такого зловещего я сразу не увидела на своем организме. Единственное, что похудеть – не похудела, только лицо осунулось, а вот под глазами круги нездоровые какие-то появились. Не видя положительного результата «похудеть», и отмечая перечисленные выше побочные неприятные эффекты, теперь я, тоже твёрдо, решила бросить эксперимент.

«Скорее всего, Вальке подошло, а мне – нет», – смирилась я с поражением. И бросила. Но видно поздно – процесс был запущен.

Вскоре вдруг – ничего такого подобного в моей жизни раньше не было – покраснели белки обоих глаз, а вслед за тем – воспалился левый глаз. Вспомнила я про альбуцид – проверенное средство – в советские времена его и в глаза, и в нос от воспаления капали. Покапала его в глаза – всё прошло.

«Это всё компьютер, – решила я, – надо поменьше в нём сидеть».

А как можно поменьше, если учить литовский надо, а там и словарь, и тексты всякие – в магазине ничего этого не купишь. Кроме того, вся информация нужная по жизни – тоже в интернете. А в него как залезешь, так время перестаёшь замечать. Словом, так и спустила всё я на тормозах. Это случилось весной. А осенью всё повторилось снова. Только теперь к воспалению глаз, на крыльях носа проступило что-то вроде болячих прыщей. Помазала прыщи йодом, покапала в глаза альбуцид. Вроде, прошло. А когда минусовые температуры пришли с ветром и снегом, снова пошли прыщи по носу, снова воспалился глаз. Но это было не всё – теперь к этой напасти добавилась ещё и слеза, вытекавшая из глаза всякий раз, когда я выходила на улицу.

Снова альбуцид, снова йод. Прошло. Но слеза, нет-нет, да вытекала.

Наступило лето и всё благополучно закончилось. Во всяком случае, мне так показалось. И я решила забыть об осенне-зимне-весенних глазных неприятностях.

Но вот снова пришла осень – всё повторилось опять.

На этот раз я решила идти к врачу.

– На что жалуетесь?

Мужчина, дородный и очень мужественный, окулист районной поликлиники, спросил безразлично, и даже не глядя на меня, спешно что-то уже записывая в мою же историю болезни.

Я внутренне собралась, стараясь по возможности коротко (у них ведь, у врачей, – десять минут на пациента – я это точно знала), изложить суть вопроса. Но не успела открыть рот, как мужественный окулист строго и требовательно приказал, по-прежнему не глядя на меня:

– Садитесь, – и мотнул головой в сторону стула, такого специального, со всякими блямбочками для осмотра глаз.

Я закрыла рот и покорно взгромоздилась на этот стул. Только теперь окулист посмотрел в мою сторону.

– Рассказывайте!

К этому моменту я уже поняла, что вряд ли такой мужественный и статный окулист станет выслушивать всю мою историю со слезой. Потому сразу в корне задушила насущную потребность излить тревогу о своём здоровье в белый халат врача и, проглотив обиду, робко посмотрела на доктора.

– Ну! – «подтолкнул» меня тот. – Рассказывайте!

– Слеза течёт, – сама страшно подивившись своему жалостливому тону, наконец почти проблеяла я.

– Слеза? Так зачем вы *ко мне* пришли? – недовольно отреагировал строгий и мужественный мужчина-окулист. – Плачьте, если хочется! Слеза очищает. Зачем же к врачу? У меня, видели, сколько на приёме сидит? У всех проблемы со зрением. А вы – слеза!

Я растерялась. Задохнулась даже от его непонимания:

... – да-а-а, но у меня слеза... сам-а-а... течёт... когда на улицу выхожу, – совсем потенно уже мычала я, боясь, что мужчина-окулист сейчас запросто попрёт меня из кабинета, и я так и не узнаю, почему – слеза, почему – сама, и как сделать, чтобы её не было.

Но тут окулист просиял:

– Да вы что?! Тоже слеза течёт?

– Течёт, течёт... тоже...

– И что – сама?!

– Сама, сама! – радостно закивала я, осознав, что, наконец, чем-то заинтересовала врача.

– Ну, тогда вы точно с этим ничего сделать не сможете! – воодушевлённо подвёл итог нашему диалогу окулист. – У меня тоже течёт. Сама! И, как врач, я вам только одно могу посоветовать, а именно – то, что сделал я, – купите нитяные перчатки, чтобы удобнее было слезу утирать! Нитяные.

Я застыла на этом продвинутом глазном стуле и «проглотила язык». Радости как не бывало!

Похоже, доктор снова увидел на моём лице так и не высказанное страдание и потому с ещё большим оптимизмом в голосе завершил:

– Да-да! Именно нитяные перчатки. Именно нитяные – кожаные плохо впитывают.

Теперь он смотрел на меня дружелюбно, и, можно сказать, ласково, как на хорошую давнюю знакомую. Я «отнемела», потерянно глянула на врача и всё же решила попытать счастья ещё раз.

– А... может быть... вы всё-таки посоветуете мне капли какие-нибудь, ...или... обследование? Уж очень неудобно... со слезой...

– Бесполезно! Поверьте мне, как специалисту! – всё так же воодушевлённо прогудел специалист по глазам. – Только нитяные перчатки! Только они!

Здесь он как-то поутих и обычным уже тоном, почти по-человечески, произнёс:

– Ну, а если справитесь со слезой какими-то средствами, милости прошу – приходите, расскажете.

– И... что... я могу идти? – всё-таки не поверила я.

– Идите, идите. Но если что – вы заходите, опытом, так сказать, поделитесь, – снова воодушевился специалист. – А то я и сам, честно сказать, уже порядком с этой слезой намутился, – на этот раз, словно извиняясь, признался он.

И я сползла с продвинутого глазного стула со всякими блямбочками для осмотра глаз, и проплелась к двери. Взявшись за дверную ручку, всё-таки с надеждой обернулась к специалисту – авось напоследок чем-то порадует. Но специалист уже уткнулся в историю болезни очередного пациента.

– До свидания, – униженная и оскорблённая совершеннейшей ординарностью и не оригинальностью, как оказалось, своей проблемы, уныло произнесла я.

– Всего доброго, – мужчина, не поднимая головы, дружелюбно махнул рукой. Потом поднял голову, посмотрел на меня, снова улыбнулся как доброй знакомой, и повторил: – Приходите, если что, – и уже куда-то в пространство, безразлично добавил: – Скажите там – пусть следующий заходит.

Спустя время я нашла приемлемую для себя диету и приемлемый образ жизни, вследствие чего медленно, но верно, начала сбрасывать положенные триста-четыре грамма в неделю и привела таким образом постепенно своё тело в порядок.

А слеза так и текла – каждую осень и всю зиму. И мне пришлось купить нитяные перчатки.

30 января 2018

Санкт-Петербург.

Очищение от скверны

или

...две недели милосердия

«Вот бы всегда так! – подумала я, вдыхая чистый морозный воздух. – Вот бы всегда так – больше мне ничего и не надо! Если бы...»

Я остановилась и осмотрелась вокруг.

Счастливые ребятишки с визгом носились по детской площадке. Те, что постарше, смело залезали на самый верх горок и самостоятельно катились с них вниз по отполированной поверхности неширокого желобка. Младшие дети, неуклюже переставляя ноги в широких, схваченных понизу резинкой непромокаемых шароварах, с лопатками и ведёрочками в руках расхаживали чуть поодаль. Когда кто-то из них пытался присесть для раскопок, дутые одежды непременно заваливали его набок, и тут же рядом с ним оказывалась мама. Она поднимала своего ребятёнка, ставила его, как матрёшку-неваляшку, на ноги, и тот продолжал своё блуждание по площадке до следующего падения.

«И что за детство у них! – с досадой, забыв на секунду о своём, вздохнула я. – На этой мизерной площадочке, под надзором, в этих ужасных искусственных одеждах! Засупонены по самое „не хочу!“ Понятно, почему из них потом одни хилятики вырастают!»

Я уже собралась продолжить путь, и... именно в этот момент ощутила, как первая слезинка нежно выплыла из глаза и покатилась по щеке.

Это и было моё «если бы...»

«Боже, как же мне справиться с этим!»

Слёзные железы теперь уже обоих глаз словно только и ждали этого крика моей души! Глаза мгновенно заволокло мокрым туманом, всё вокруг задрожало и начало преломляться – в такт дрожанию ещё не выкатившихся слёз. Площадка, дети, мамочки – всё ушло в белёсый туман.

Внутри тоже задрожало, и я так же мгновенно почувствовала себя очень, очень несчастной...и одинокой... в этом мире...

«Боже, как же мне тяжело, – прислушалась я к своему внутреннему дрожанию, и мне стало не по себе. Но не стала я дальше жалеть себя: – Ни за что не сдамся! Ни за что! Обязательно найду выход! Не может быть, чтобы ни нашла причину этих слёз! Обязательно найду!» – И снова посмотрела вокруг.

Первые слёзы вытекли, и теперь интенсивность слезотечения чуть поубавилась. Нитяными перчатками, которые я всё же купила вскоре после посещения импозантного офтальмолога районной поликлиники, быстро промокнула мокрые щеки и двинулась в обход детской площадки, интенсивно переставляя палки для скандинавской ходьбы. Как всегда после предательского момента уныния, и на этот раз пришёл энтузиазм.

Не переставая бодро стучать палками по очищенному от снега асфальту дорожки, я так же бодро продолжила думать:

«Нет, должна же быть какая-то причина этих слёз! Ну, сосуды суживаются, ну... на холод аллергия... не то! Всё не то!»

Не в первый раз, выходя на улицу и непрестанно промокая затем глаза и щёки от солёной влаги нитяными перчатками, пыталась я себя этими вопросами. И не в первый раз не находила ответа. А чем дальше продвигалась осень к зиме, и зима к своей середине, тем ужаснее становилась ситуация со слезами. Солёные горошины буквально сыпались из глаз уже спустя пару минут после встречи моего лица с улицей.

Вот и сейчас я уже «рыдала», но храбро продолжала прогулку.

И вдруг – стоп!

От неожиданно пришедшей в голову мысли, я застыла на месте.

«Стоп! Ведь не зря говорят, что слеза очищает! И офтальмолог тот в поликлинике два года назад – то же самое сказал!»

Постояла на месте, проникаясь пришедшей мыслью... но дальше разум не двигался!

И всё же: что-то совсем неуловимое, совсем-совсем призрачное, почти бестелесное, не имеющее даже массы мысли, – как мгновенный «чирк» по стеклу, – пришлось по сознанию, оставив обнадеживающий след на спасение.

«Что это? Что это было?»

Лихорадочное мышление заплесало, пытаюсь ухватить послевкусие промелькнувшего в глубине разума озарения.

«Спокойно! Иди дальше!»

Я двинулась дальше, автоматически цокая палками, перестав слышать, как те стучат по асфальтовому покрытию. Я смотрела внутрь своего разума и пыталась из его глубины достать ускользавшее...

«Подумай снова, что подумала до... – диктовала я себе в такт движению палок, которого сейчас совсем не чувствовала, – что там было?... что там было?..»

И, то ли размеренное движение руками, толкавшее палки, то ли свой собственный мерный шаг вследствие этого, но сознание прорезалось, и я остановилась, вспомнив.

«А! – „слеза очищает“ Так... очищает... очищает... очища-а-а-е-е-ет... От чего слеза может очищать? Думай, думай! – лихорадило разум, – от чего-то внутри себя.... Так! Так! Думай! ...внутри себя... внутри себя... Ага... ведь слеза течёт *изнутри*... изнутри... Так! От чего же изнутри она может пытаться очистить меня?..»

И тут яркая вспышка озарила сознание:

«Боже! Ну, конечно! От СКВЕРНЫ!»

...И я начала новую жизнь – жизнь очищения от скверны.

День первый.

Я стояла у окна на кухне и любовалась первозданной белизной выпавшего за ночь снега. Там, за окном, не только блистал снег, но и скромное зимнее солнце, явившее свой лик впервые за прошедшие два зимних месяца, розовело на стеклах окон домов напротив.

«Красота, да и только! Теперь начну жить и радоваться!»

Вхождение в новую жизнь потребовало от меня бескомпромиссного взгляда в глубины своего существа. Этот бескомпромиссный взгляд убедил меня, что пришедшее накануне днём озарение о скверне внутри себя, не расстроило и даже ничуть не огорчило! Как раз наоборот – почти счастье испытывала я теперь, впрочем, так же, как и в тот судьбоносный момент.

Потянувшись мечтательной улыбкой к солнцу, продолжила внутренний монолог: «Я распознала неприятеля внутри себя. Начало положено. Осталось теперь только выяснить, какой это неприятель, какую такую скверну я ношу в себе».

Продолжая умиротворённо улыбаться, я перевела взгляд на укрытый девственным снегом газон под своим окном и увидела, как прямо по «первозданной, девственной белизне», импозантно одетая собачница выгуливает своё «чадо»! «Чадо» как раз в этот момент задрало заднюю ногу и облегчилось на ствол старой берёзы под моим окном.

На «первозданной и девственной» остался широко расплывающийся, тёмно-жёлтый след.

«Чтоб..!» – я с отвращением задёрнула занавеску. Умиротворения как не бывало.

Пришлось вернуться в комнату.

«Ну вот что за уроды! Обязательно нагадить нужно на светлое и чистое!»

Усевшись в кресло, я почувствовала, как раздражение начинает свою подрывную работу изнутри.

«Чтоб вас всех! – в сердцах обратилась я к невидимым собачникам. – Чтоб...» – и подхватившись из кресла, нервно начала перемещаться по комнате, стараясь при этом не глядеть в окно и справиться со вскипавшим в крови гневом....

...Постепенно эмоции приутихли. Я вернулась в кресло и всё-таки заставила себя обратиться к своему – к насущному.

«...и это, явно, не пищевая скверна, – продолжила я свои размышления, – нет-нет – это не пищевое.... Я же веду здоровый образ жизни. Тогда... Что же тогда?..»

В комнате притемнилось. Это питерская пасмурность снова заволокла солнышко, и оно, похоже, решило не сопротивляться.

Не сопротивляться и не упорствовать больше решила и я. Совсем уже было собралась пойти чайку попить, как новая мысль заставила меня снова опуститься в кресло.

«Скверна-то эта, должно быть, таится в моём поведении! – подумала вдруг, – ... или в мыслях.... Ну что ж! Тогда поглядеть за собой надо, – с облегчением, но, не переставая при этом быть в тонусе, констатировала я. – Поглядеть надо, откуда у этой заразы ноги растут».

И стала я за собой «глядеть».

И доглядела-таки!

День второй... день третий...

«Пойду, пожалуй, почту гляну. Пора квитанциям за квартиру прийти».

Я накинула на плечи шаль и открыла дверь, собираясь выйти на лестничную площадку. А там сосед, как всегда, вонючую папироску смолит нещадно! И я уже было рот открыла, чтобы...

Раньше всегда в такие моменты не по-хорошему думала я о нём и замечание делала. Он даже вроде как бегать от меня начал: только увидит, что по лестнице поднимаюсь, или дверь из квартиры открываю – шасть в свою квартиру – только силуэт его мелькнёт, и лишь шлейф табачного дыма за ним хвост по подъезду распустит.

А тут прямо одёрнула я себя:

«Кто я такая, чтобы суд над ним судить, хоть и негласный. Есть управдом – пусть с ним и бодается! Не буду больше. Буду милосердней – пусть смолит, авось, закон до него сам доберётся».

Так и стала поступать.

Однако трудно мне поначалу пришлось мимо курильщика, не сделав замечания, проходить. Не так ведь советского человека воспитывали, чтобы всё за него государство делало! Тем более, что пока на улицу ни выйдешь – задохнёшься от дыма! А если в квартиру заходишь с лестницы – волосы и одежда успеют никотином пропитаться – так в квартиру и вваливаешься вся в дыму.

Но постепенно смирилась.

«Ну, вот. Милосердной хорошо быть – доброта в душе проклёвывается».

За это время ещё несколько вещей я за собой углядела.

Вот иду раньше, к примеру, через детскую площадку и все недостатки вижу: что плохо качели закреплены, что мамы за ребятёнками не следят, а те друг другу лопатками скоро глаза повыбивают, что ползает ребёнок несмышлёный по грязи и ручки свои потом облизывает... да мало ли чего на площадке детской происходит. Раньше всегда обращаю внимание мамаш на все эти недостатки. А здесь иду, и про себя думаю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.